

АНТОНИНА ШАЛЫГИНА

Родилась в 1958 году. Живёт в Таре.

Член литературного клуба «Вечера на Александровской».

Публиковалась в литературно-краеведческом альманахе «ТарЯне».

БРАТ МИШЕНЬКА – МИНЬКА – МИХАЙ

Миша – наш младшенький – появился на свет как по заказу: две дочки и сын есть, надо ещё одного сыночка. Мне было семь лет, сестре Вале – шесть, брату Коле – пять, когда привезли из роддома маленький свёрточек в одеяльце – нашего братика. Назвали его, как папу, – Мишей. Когда развернули одеяльце, первая реакция Коли:

– Мама, а почему он такой страшенький, сморщенный?

– Ничего, Коленька, скоро будет красивым. Ты тоже таким был.

– Правда?

– Правда. Сейчас вон какой красавец!

После рождения братика мы себя считали взрослыми, старшими. Каждый старался чем-то помочь маме, бывало иногда, что только мешались. Помню самодельную детскую кроватку-качалку, покрашенную в голубой цвет, в которой ещё меня качали. Теперь в ней спал наш Мишенька. Качали братика по очереди, иногда хотелось всем вместе – тогда начинался спор. Наша баба Аня, которая жила с нами и водилась со всеми внуками, успокаивала:

– Да угомонитесь вы! Зачем его качать, он же спит.

Иногда мне и сестре доверяли подержать Мишу. Сердце окутывало нежностью: мой маленький братик у меня на руках:

– Малюсенький, такой холёсенький!

Братишка смотрел на меня своими карими глазками и причмокивал.

Миша подрастал и уже вставал в своей кроватке. Чтобы она не качалась и Миша не

выпал, родители подкладывали под полозья бруски. Но однажды с нашей помощью братик всё же выпал. Мишенька стоял в кровати и лепетал что-то на своём языке. Мы вокруг него тоже «лепетали» с ним, баба Аня сидела на своей кровати чуть поодаль. И как она проглядела, что мы убрали бруски и начали раскачивать кроватку?

Дораскачивали... Миша не удержался и упал на пол, на домотканый коврик. Сначала не понял ничего, лежит на животике – молчит. Потом, увидев наши испуганные лица, как давай плакать! Баба Аня встрепенулась:

– Господи, господи! У семи нянек и дитя без глаза... Зачем раскачивали?

Мишу взяла на руки, и он успокоился. А мы стояли с виноватым видом, потупив глаза:

– Баба, только не говори маме.

– Не делайте нахратки* – не буду говорить.

– Мы больше не будем!

– Не будете вы...

МАЛЕНЬКИЙ ШКОДНИК

Мишу мы все очень любили и называли только Мишенькой. Баловали и позволяли всё, потому что он был маленький. Избаловали, наверное, – Миша делал, что хотел. А может, от природы был настырный, сам себе на уме, что вздумает, то и творит. Молоко из кружки пить не хотел, а вместе с кошками из их миски лакать на четвереньках – пожалуйста! Запрещать и убирать миску было бесполезно – будет плакать, пока не вернёшь. Потом мы стали делать вид, что нам всё равно. Всё, перестал – какой интерес, когда не смотрят. Такой махонький, а понимал.

Был у нас буфет, верхний шкафчик которого открывался сверху вниз. Мама прятала там конфеты, иначе все перетаскаем. Но от нас разве спрячешь, особенно от Миши? Было ему годика три. Не раз он порывался втихомолку открыть буфет, но бывал вовремя замечен, конфетку всё же получал. А

* Пакость, проделки (прим. автора).

однажды не доглядели. Подставил табуретку, залез на неё, стал открывать, а крышка шкафчика тяжёлая, не удержал её Миша: получил этой крышкой по лбу, свалился с табуретки да как давай орать, именно – орать!

Мы с бабой подбежали испуганные, баба причитает:

– Убился! Убился! Да что же это?! Да милый ты мой!

Ощупывает Мишу: руки-ноги целы, на лбу шишка. Приложили к ней холодную ложку.

– Мишенька, зачем полез? Попросил бы конфетку.

Миша сразу перестал орать:

– Баба, дай две касетки!

– Ну всё – ожил.

– Ох, и хитренький ты, Мишенька! Баба, я тоже хочу.

– Тогда и Вале с Колей неси по одной.

В три года Миша запросто мог удрать на другой край деревни, и, главное, никто не заметит, когда ушёл. Спыхватимся – его уже и след простыл. Я, как самая старшая, иду Мишу искать. Увижу и со стороны наблюдаю за ним: идёт деловой походкой прямо по дороге – машин в то время по деревне мало ходило. Деревенские мужики Мишу уже знали:

– Здорово, Михаил!

– Здорово!

– Куда отправился, мужичок?

– Куда надо.

– А-а-а, ну если надо, то иди, – им забавно было с ним разговаривать.

А иногда подзовут к себе и просят поматериться. Миша выдавал им всё, чему его научили раньше. Я стояла в сторонке, не встревала, думала: подрастёт – поумнеет и материться перестанет. Так оно и было: лет с пяти от Миши ни одного плохого слова мы не слышали.

Любила я Мише живот щекотать. Он смеялся, верещал:

– Ой, чикотно! Баба, забери меня от неё!

Баба стыдила меня:

– Ну, ты же большая! Связалась с ребёнком.

Миша освобождался из моих рук и, отойдя, говорил:

– Я тебя сам зачикотю!

Улучив момент, когда я сидела и чем-то была занята, тихонько подходил сзади и начинал щекотать, а сам заливался смехом. Я щекотки тоже боялась.

– Вот, я тебе отомстил! – с победным видом убегал.

ПОЕЗДКА В ГОРОД

Расскажу случай, который Коля помнит до сих пор, и мама часто рассказывала, пока была жива.

Как-то летом, в выходной день мама с Колей собрались в районный город Тару, что-то купить из одежды. Миша увязался за ними. И ни уговоры, ни требования не могли его остановить. Если Миша что задумал, то хоть кол на голове теши! Пришлось взять. Шёл Мише четвёртый год.

Приключения начались ещё в автобусе. Тётя, сидевшая напротив, елейным голосом заговорила с Мишей:

– Какой красивый мальчик! Как тебя зовут?

Миша не любил, когда к нему приставали незнакомые тётки:

– Никак!

У тёти интерес к красивому мальчику сразу пропал. А Миша надулся, как пузырь. Коля пытался с ним заигрывать, но получал отпор: ручонки хоть и маленькие, но сильные. Мама спрашивала:

– Миша, ты что надулся как мышь на крупу?

Ответ был с недовольством:

– Ничё!

Дальше ехали молча.

Вдруг на полпути автобус остановился. Водитель попросил пассажиров погулять минут пятнадцать, кто желает, а сам начал разбортовывать колесо. Кто-то из мужчин-пассажиров ему помогал. Нашему

Мишеньке гулять надоело, подошёл к водителю и с недовольным видом спрашивает:

– Ты чё остановился?

– Да вот, колесо ремонтирую.

– А чё его ремонтировать?

– Сломалось.

– А чем ты думал, когда поехал? Надо было дома ремонтировать! Чё ты за шофёр?

Водитель еле сдерживал смех, но отвечал с серьёзным видом:

– Когда поехал, оно было целое, – удивлялся, что такой малец деловито, по-взрослому, рассуждает.

Мама с Колей стояли поодаль, им было не до смеха: боялись, что Миша ещё что-нибудь выдаст. А он присел на корточки и с деловым видом смотрел, пока колесо не сделали, периодически давая советы. Мужчины посмеивались и подыгрывали ему.

По приезде в Тару Мишенька стал совсем неуправляем. Он бежал куда-то сломя голову: на дорогу под машины, по клумбам с цветами. Мама с Колей только успевали его ловить:

– Миша, ты куда?

Зло кричал:

– Никуда! – и бежал дальше.

– Мишенька, хочешь мороженого?

– Не хочу я вашего мороженого!

– Давай купим газировки!

– Пейте сами свою газировку!

Мама понимала, что ругать и наказывать будет ещё хуже. Взяли с Колей его крепко за ручки, так и вели, как арестанта. Он вырывался, злился. Коля сам ещё был ребёнком – всего восемь лет, ему тяжело было управляться со своим своенравным младшим братом. Ох, и намучился он тогда! Люди навстречу шли, качали головами, одна тётя сказала:

– Что над ребёнком издеваетесь? Уговорите его.

За маму ответил Миша:

– Ты идёшь – и иди!

Если бы эти прохожие знали, если бы ведали, что уговорам этот маленький красивый мальчик в тот момент не поддавался! Мама с Колей были в «мысле»:

– Ну что тебе надо, Миша, чего ты хочешь?!

Миша закричал:

– В туалет!

– Писай здесь.

– Не-е-ет!

– Ну, где я тебе туалет найду? Дойдём до ресторана, там есть.

– Чё я забыл в вашем ресторане?

Дойдя до ресторана, Миша наотрез отказался заходить внутрь, сел прямо у крыльца и начал кричать. Мама с Колей отошли в сторонку под деревья, сели на скамеечку и сделали вид, что это не их мальчик. Коля начал прутиком рисовать на песке, мама наклонилась к нему, а сама искоса наблюдала за Мишей. Потом рассказывала:

– Хоть отдохнули немного, посидели.

Мимо Миши шла молодая женщина, остановилась и спрашивает:

– Мальчик, ты что здесь делаешь?

Мальчик поднял голову и зло ответил:

– Чё, не видишь,?! – дальше сказал чисто по-русски, по-деревенски, что он делает, с ударением на «р».

Мама готова была сгореть со стыда, провалиться сквозь землю! Женщина в недоумении отошла. Проходя мимо мамы с Колей, спросила:

– Это не ваш мальчик?

Мама поспешно ответила:

– Нет, нет!

Тем временем Миша сделал своё дело, мама схватила его в охапку и быстро пошла прочь – через дорогу была милиция. Миша ещё какое-то время помотал нервы, потом, видимо, сам устал – удалось съесть по мороженке и купить Коле, что было нужно.

Когда садились в автобус – ехать домой – Миша подошёл к водителю и спросил:

– У тебя колесо не сломается?

– Почему оно должно сломаться?

– У того шофёра сломалось.

– У какого?

– У какого, у какого... С которым я в Тару ехал.

В автобусе Коля прошептал маме:

– Я в Тару больше не хочу.

– Мне тебя жалко, Коленька, намучился, бедненький.

Приехали домой, бабе Ане рассказали про Мишины проделки. Она прочитала молитву над водой, умыла и попоила Мишу. Он уснул и после сна снова стал обычным ребёнком. Баба сказала:

– Озеп*... Кто-то нехорошо подивился...

ПОЖАР

Миша рос шkodливым, как большинство деревенских мальчишек. Однажды решил развести костёр под крышей бани. Было ему лет пять. Набрал щепочек, сложил их колодцем и поджёг. Потом сам испугался, слез с бани, кричит:

– Пожар!

Хорошо, под крышей не было сена, просто земляная насыпь. Огонь не успел сильно распространиться. Мы носили воду из бани, а мама стояла на лестнице, заливала крышу. Кто-то из соседей вызвал «пожарку», но нам удалось потушить огонь своими силами. Мишу мама поругала, но наказывать не стала. Он и без того был напуган: прижался к бабе Ане, дрожит, как кленовый листочек. Какое уж тут наказание...

МАСТЕРОВОЙ

Став старше, любил Миша мастерить. Много чего мастерил, но самое интересное – это лодка и крылья.

Лодку сколачивал из досок и дощечек, скреплял при помощи металлических полосок. Инструменты какие раньше были: топор, молоток, ножовка, гвозди и рубанок. Миша ими владел в совершенстве, но всё равно Коля подшучивал:

– Минька, смотри по ноге не рубани!

Миша посмотрит на него пристально и промолчит – зачем на глупости отвечать.

А Коля не унимался:

– По пальцу молотком не долбани!

Миша с серьёзным видом ответит:

– Надоел ты мне.

Когда лодка была сколочена, Миша растапливал гудрон, обмазывал им швы – всё путём. А Коля снова за своё:

– Михай, когда твоя яхта поплывёт? Назови её «Победа»!

Наконец лодка готова. Не лодка, конечно, так – лодочка. Понесли её на озеро. Я говорю:

– Михай, шампанское надо о борт разбить, когда судно на воду спускают.

Вижу, Миша волнуется – потонет или нет, ему не до шуток. Подошли к озеру, лодку спустили. Миша сел в неё:

– Я пока один испробую.

– Ну вот, мы ждали-ждали, а нас на борт брать не хотят. Ладно, поглядим, как ты поплывёшь.

Миша и вёсла выстругал – всё по уму. Немного проплыл, а потом лодка начала тонуть, в неё просачивалась вода. Миша выбрался, а она уже на дно легла. Хорошо, не глубоко, не больше метра. Мы пошли помогать вытаскивать лодку. Вытащили на берег, Миша в недоумении рассматривает её:

– Чё ей надо? Всё, как положено, сделал.

Коля опять вставил своё слово:

– Наверное, Минька, что-то не так было положено. Гудрончиком надо побольше залить. Понесли домой твою яхту «Беду».

Миша в сердцах махнул на неё рукой:

– Да пошла она к чёрту!

– Здесь, что ли, бросишь? Оставь дома на память о несостоявшемся плавании.

– Пусть здесь валяется!

Домой мы всё же отнесли её. Интерес к лодке у Миши пропал.

Зато появилась новая идея. У Миши вообще голова была полна идей: одна «идеальнее» другой. На этот раз он решил сделать крылья и полетать. Было ему лет двенадцать. Миша очень хорошо рисовал. Сначала изобразил крылья на бумаге: всё

* Сглаз (прим. автора).

до тонкостей, до мелочей, затем приступил к делу. Крылья тщательно выпиливал ножовкой из фанеры.

– Минька, ты чё опять задумал? – подступился с вопросом Коля.

Миша молчал, взгляд его был пытливый и озадаченный. Потом, как будто спохватившись, ответил:

– Не мешай!

Коля, увидев рисунок, воскликнул:

– А-а-а, на этот раз ты решил полетать! Поплавал, теперь можно и полета-а-ать.

– Полетаю!

Миша был уверен, что всё получится, что его задумка воплотится в жизнь. Скрепил крылья между собой при помощи ремней и вожжей, сделал ремённые крепления на плечи, для кистей рук прибил к крыльям верёвочные петли. По краям украсил гусиными перьями – насобирал заранее, благо гусей у нас было полно.

Наконец изобретение готово. Наступил торжественный момент! Миша надел крылья на плечи, залез на крышу дома, на самую маковку, и закричал:

– Смотрите – я Икар!

Взмахнул крыльями... и аккуратно и плавно... приземлился.

– Икар до Солнца не долетел! – прокомментировал Коля.

– Надо было шибче махать!

– Ещё раз попробую, – Миша надежды не терял, что полёт состоится.

– Ты подпрыгни и маши! – подсказывали мы снизу.

Вторая попытка была такой же. Брат расстроился. Мы с сестрой его успокаивали:

– Михай, не ты первый, не ты последний! Многие мастерили крылья и не могли взлететь.

А Коля подзуживал:

– Ика-а-ар!

Прозвище это приклеилось к Мише до конца лета, пока не закончились каникулы и мы не разъехались учиться. Дома остался один Миша, ехидничать было некому.

НА БОЛОТО ПО БРУСНИКУ

Осень. Сентябрь. Неделю поливал дождь. Земля так напиталась водой, что уже не хотела её поглощать: слякоть, сырость. Иногда погромыхивало. Казалось бы, откуда грому взяться в сентябре – грозových туч нет, небо серое, ненастное. Наконец природа сжалилась: дожди прекратились, небо прояснилось, из серого вновь стало голубым. Солнце радостно пригревало землю и всех её обитателей. Днём жарко, будто не середина сентября, а лето, хотя ночи довольно прохладные.

И снова тянет в лес! А тут приятельница Татьяна позвала меня на болото по бруснику. Обычно я болотную ягоду – бруснику, клюкву – покупаю на рынке. Но в этом году она дорогая, а бруснички хочется. Сначала я колебалась – соглашаться или нет? При слове «болото» мне вспоминается Лиза Бричкина из фильма «А зори здесь тихие», которую поглотила тряси́на. Как-то жутковато... Но Татьяна так нахвалила болото, какой там необыкновенный воздух, «как там хорошо!», что я согласилась.

– Что брать с собой? Я же неискушённая.

– Рюкзак, обед, ведро.

– Сколько вёдер?

– Одно! Хоть одно набери. Сапоги резиновые повыше надевай.

– А если у меня нет повыше?

– Тогда какие есть.

Сбор в семь утра. Три девушки предпенсионного возраста и молодая Зоя. Все, кроме меня, не новички на болото ходить. Радостные, возбуждённые! Утро доброе, и день, похоже, будет солнечным. Сели в УАЗик, и водитель Петро повёз нас до болота, до того места, где УАЗик уже не мог осилить дорогу. Проехав километров пять-семь, подпрыгивая на ухабах, он резко остановился.

– Стоп, машина! Выгружайтесь, девчата, дальше пешочком!

Дальше идти нужно было по болотине.

– Веди нас, Сусанин-Таня!

Перед нами расстился небольшой участок дороги, сплошь залитый водой. Продираться приходилось по кустам, согнутым к земле, держась за ветки. Наш предводитель и знаток болотных мест Татьяна говорила:

– Идите след в след, друг за другом, не вздумайте шагнуть правее – провалитесь.

– Правда, что ли?

– Нет, шучу. Правда, конечно! Ещё два таких нехороших места.

– Ты куда нас ведёшь, Сусанин?

– В болото!

Осилили этот участок, дальше дорога была твёрдая, только хлюпало под ногами.

– Если бы не недельные дожди, здесь можно было в кроссовках идти.

– Ну уж, прямо в кроссовках?

– Прямо! Я ходила в сухую осень. Ну немножко промокла.

Спорить с Таней мы не стали – она по болотам ходит не первый год.

– Брусники нынче мало, литров по пять хоть бы набрать. Если не наберёте, меня сильно не ругайте, что сманила вас.

– Ну, Таня, назад дороги уже нет! Если бы ты при выезде сказала, мы бы ещё подумали – ехать ли...

– Не наберём – побьём тебя, – шутили мы.

– Колеи... Какая тут машина могла пройти?

– Болотоход. Только он может здесь проехать.

Нам было весело идти. Солнце светило и грело, какая-то пташка болотная щебетала всю дорогу, будто сопровождала нас. За плечами рюкзак с ведром, на плече сумка с едой и термосом. Романтика!

– Осторожно – здесь зыбка.

Не успела Таня это сказать, я шагнула чуть правее и одной ногой провалилась в эту самую зыбку:

– Ай! Ногу засасывает!

Я плюхнулась на твёрдый участок дороги, пытаюсь её вытащить. А ногу затыгивало вглубь, будто кто-то невидимый схватил снизу и держит мёртвой хваткой. Какое это

неприятное чувство, надо сказать. Когда проваливаешься в грязь – это совсем не то, это не страшно. Вспомнила Лизу Бричкину... Подбежали Таня с Зоей, схватили меня подмышки, тянут, как репку, а нога ни с места.

– Снимай сапог! Вытаскивай ногу, потом сапог вытащим.

– А если его засосёт?! Босиком пойду?

Я ругнулась, сама того не замечая. С горем пополам ногу мою вместе с сапогом наконец вытащили. Одна я не смогла бы точно, или сапог оставила в зыбке. Маша стояла поодаль и чуть сдерживала смех, глядя на нас. Хотела сделать фото, но постеснялась – вдруг я обижусь. Мне в тот момент было, конечно, не до смеха, но потом посмеялась бы вместе со всеми. Хорошее было бы фото! Пошли дальше, в сапоге чвакает, штаны мокрые. Хорошо, солнышко пригревает, не даёт замёрзнуть. А в голове уже крутится: «Зачем я попёрлась в это болото? Романтики захотелось...»

– Сейчас будет ещё одно нехорошее место. Шагайте за мной! – это наш «Сусанин».

И снова мы шли по кустам след в след, держась за ветки. И этот участок благополучно прошли. По относительно хорошей дороге девушки зашагали быстрее. Я плелась сзади, наедине со своими мыслями. Потом опомнилась:

– Эй, ждите меня! Куда вы так рванули? Не бросайте меня, а то я опять куда-нибудь не туда шагну.

Остановились, подождали, пошли вместе. Местами дорога под ногами покачивалась. А мы ещё специально встанем и качаемся, хотя страшновато:

– Как в фильме ужасов: земля провалится под ногами, и мы вместе с ней...

– Типун тебе на язык.

– Шутка!

На третьем нехорошем участке дороги провалилась Зоя. Ей пришлось вытаскивать ногу из сапога, а потом доставать из зыбки полный болотной жижи сапог, что было

очень непросто. Носок выжала, на ногу намотала платок, как портянку.

– На обратном пути надо со слегой идти.

Слега – это длинная палка, с которой ходят по болоту; прежде чем ступить – проверяют проходимость.

– Надо было сразу, в начале пути.

По болотине мы шли около часа. Наконец вышли на твёрдую сухую землю – гриву. Здесь когда-то был покос, потом луг начал зарастать деревцами, превращаясь в мелколесье. Сейчас это берёзовый лес. Стали попадаться грибы, да много. Маша была в восторге:

– Ой, грибочки! Я их на обратном пути соберу.

По гриве шли минут двадцать. Дальше начиналось болото. Кочки вначале были твёрдые, поросшие осокой, затем мягкие, мшистые. Между ними вода почти на полсапога. Идти было тяжеловато.

– Сусанин, мы скоро придём на место?

– Это просека, по ней идти ещё минут двадцать.

– О-о-ой! Скорей бы уже.

– Осталось совсем немного, и придём на МОЁ брусничное болото.

– Прямо-таки на твоё?

– На МОЁ! Я сюда хожу каждую осень, и не по разу. Это болото меня кормит.

– Таня, так идти пешком очень долго.

– Это разве долго – полтора часа? Ты не ходила на клюквенное болото – там идти пятнадцать километров три часа, да ещё в болотниках по «самое не хочу».

– Три часа пешком?! Боже мой! Одержимая. Обрато ещё и с полным ведром ягод.

– Да не с одним!

– Таня, ты выносливая! Тебе надо памятник поставить, как той телятнице возле Чёкрушево.

– Ага.

Посмеялись, идём дальше.

– Смотрите, какие красивые сыроежечки!

По краям просеки нам попадались очень яркие разноцветные сыроежки: маленькие,

с твёрдыми шляпками, как будто драже рассыпано по мху. В середине чавкающей просеки были мшистые кочки с клюквой. Мы на ходу успевали её поесть. Какая она сладкая с кочки!

Так незаметно пришли на место.

– Ну, вот и моё болото. Как я его люблю! Воздух-то какой!

И правда, воздух пьянящий от обилия кислорода и запаха багульника – дышать и не насытаться! Не зря ведь болота – самые лучшие «лёгкие» планеты.

– Здесь нет трясины?

– Да откуда ей тут взяться? Это моховое болото – мшары. Можно назвать его «сосняк» или «рям».

– Отдохнём чуток и пойдём.

На обочине просеки росли три берёзки – это был наш ориентир, куда мы должны вернуться. Пока светило солнце, ещё и оно было ориентиром.

– Запомните: заходим – солнце слева, к обеду оно будет светить в лицо, если идти в глубь болота; значит, при выходе солнце будет за спиной. Понятно?

– Понятно!

– Вы знаете, что болото может «уводить»? И не заметите, как забредёте, поэтому друг от друга слишком далеко не уходить, перекликаться.

– Хорошо, Таня.

Мне как-то не по себе стало. Я на болоте в последний раз была лет в семнадцать с мамой.

Отдохнули, пошли. То там, то здесь росли низкорослые, реденькие сосёнки, некоторые уже сухие. На одну Маша накинула свою кофту:

– Для ориентира.

Чуть углубившись, Таня привязала к сухой сосёнке яркий платок, я – красный целлофановый пакет:

– Это тоже ориентир.

Кочки под ногами были действительно моховые, мягкие. Нога проваливалась в них, как в перину. Между кочками было сыро, но

воды не было. Брусники тоже почему-то не было...

– Таня, а где брусника-то?

– Искать надо. Нынче год неурожайный на неё, по яголке придётся собирать. Но я не виновата, меня не бейте. Пойдём вглубь, только далеко не убегайте.

Что-то мне не очень нравится такой сбор ягод. Когда ничего не попадается, усталость наваливается, ноги идти не хотят, хочется на кочку сесть посидеть. Дно в ведёрке еле закрыто, настроения нет, мысли грустные полезли: «Ёжкин кот! Зачем меня сюда понесло? Лучше бы в лес сходила. Пользы больше было бы». Иду от кочки к кочке, ноги еле волоку, по яголке собираю. Тут Таня кричит:

– Здесь змеи есть, на кочку могут выползть погреться. Возьми палку, прежде чем ступить – проверь.

Я думаю: «Вот только змей для полного счастья мне не хватало. Ещё сесть хотела на кочку...» Сломала сухую сосёнку, шла и тыкала этой палкой перед собой. Попадалась ягода, палку бросала, а потом и совсем кинула – надоела. Вспомнила, что в рюкзаке сумка с едой и термосом: «Тяжесть такую таскаю. Не пора ли позавтракать? Всё легче будет ноша». Посмотрела по сторонам, все трое в зоне видимости:

– Девчонки, давайте завтракать!

– Ой, давайте! Я тоже проголодалась.

– У меня обычно обед на болоте по расписанию – в двенадцать часов.

– Таня, какой обед? Это ещё завтрак. Пообедать мы успеем.

Нашли местечко поровнее и посуше, уселись, подкрепились – веселее стало.

Брусники у всех в ведре примерно одинаково мало. Рюкзаки свешали на сучки сухой сосёнки:

– Что их таскать зря? Не потеряем.

Пошли снова пытаться счастья. Я немного осмелела, решила углубиться подальше. Солнце светит, значит, ориентир не потеряю. Глянула вперёд: вдалеке на кочке

шланг чёрный скрученный лежит. «Да это же змея... греется». Достая телефон, включаю «фото», подхожу тихонько поближе. Думаю: «Сейчас я её засниму для истории». Но не тут-то было! Змея почувствовала опасность, подняла голову и зашипела. Довольно большая змейка. У меня холодок прошёл по коже. Думаю: «Нет, надо отступить. Откуда змее знать, что я всего лишь папарацци, что я не причину ей зла. Она здесь хозяйка, а я всего лишь гость». Фото не получилось. Ну да ладно. Зато брусника стала попадаться не по яголке, а гроздьями. В ведре прибывало.

Оглянулась по сторонам: где же мои девчушки? Покричала – никто не отозвался. Громче – молчок... Вот те раз! Куда же я зашла? Это же болото... Куда идти? Страшно стало. И снова в голове закрутилось: «Боже мой! Лучше бы я на базаре купила бруснику. Сдалось мне это болото, зачем потащилась?.. И никто не узнает, где могилка моя...» Осталось только запеть. Вспомнила про солнце. Пошла, как учила нас Таня. Почти бежала, напролом! И ведь вышла! Почти к тому месту, где мы оставили рюкзаки. Радости сколько было!

– Ты где была?! Мы тебя кричали, ты что, не слышала?

– Нет. Я сама не знаю, где я была... Змею видела...

– Больше не уходи!

– Нет уж, хватит с меня! Адреналина получила с лихвой!

Больше далеко я не уходила.

– По болоту нужно уметь ходить, тогда и не провалишься и не заблудишься. В следующий раз умнее будешь.

Я думаю: «Следующий раз вряд ли будет... На рынок схожу». А вслух сказала:

– А вот если бы солнца сегодня не было, как бы я вышла ОТТУДА?

И сама себе ответила:

– Не зна-а-ю...

– Мы бы тебя не бросили, пошли искать.

– Таня, а ты где научилась искусству хождения по болотам?

– Жизнь научила. Я на болотах «собаку съела».

– Болотный ты наш человек!

– Точно! Пойдёмте ближе к выходу, с другой стороны просеки посмотрим бруснику.

Мне стали попадаться моховики, да такие хорошенькие! Или я раньше не замечала, или их просто не было. Думаю, брусники мало, так хоть моховиков наберу. Хотя грибами дома все закрома заставлены и завалены, но вот моховиков нет. Теперь будут.

– А вон мой пакет красный висит!

– А вот и платок!

Уже почти у выхода я спросила:

– Таня, а здесь медведи есть?

– Есть. Приходят осенью отъедаться ягодой.

– Что, серьёзно?

– Серьёзно. Сейчас расскажу историю.

Было это прошлой осенью. Брусники много, знай бери. С полным ведром иду к просеке. На пути – почти вот на этом месте – кочка, усыпанная ягодой. Заношу ногу, чтобы шагнуть, и вдруг в нос бьёт резкий, сильный запах псины. Собака так не пахнет. На душе, как тяжёлый камень, появилась тревога. Понимаю, что это медведь, и где-то рядом. Я так и застыла на месте с поднятой ногой, боясь шелохнуться, боясь поднять глаза, чтобы не встретиться с НИМ взглядом. Я чувствовала кожей, ощущала каждой клеточкой своего организма, что ОН на меня смотрит... Стояла как истукан, боясь даже дышать, прикинулась мёртвой... Да я и так как полумёртвая была. Не знаю, сколько я так простояла, но почувствовала, что этот тяжёлый взгляд зверя меня отпустил, почувствовала облегчение. Подняла глаза – медведя не было, запах псины растворялся в воздухе. Ноги будто не мои, как онемевшие. Где стояла, там и села. Оправилась от потрясения и пошла к выходу. Вот так!

После этого рассказа я с тревогой начала озираться по сторонам.

– Да не придёт он сюда – нынче здесь питаться нечем, ягоды мало.

– Откуда ему знать, что её мало. Придёт – проверит.

Сначала было беспокойно на душе, потом думаю: «А! Волков бояться – в лес не ходить».

Собрались все у трёх берёзок, откуда ушли на болото.

– А вот и время обеда подошло!

– Почти по Таниному расписанию.

Расположились на пятачке возле берёзок, перекусили. Брусники набрали мало, но нам отчего-то было весело: то ли оттого, что не надо уже без толку скакать по кочкам, то ли от дурманящего запаха багульника. Так хорошо на душе!

Нафотографировались для истории, полежали на мягком, согретом солнцем мху и отправились в обратный путь. Идти ещё полтора часа. На просеке я набрала сыроежек полные карманы своих солдатских штанов: «Приеду домой, сделаю с ними омлет».

По болотине на этот раз шли со слегой, провалиться ещё раз не хотелось. Таня спросила меня:

– Не пожалела, что пошла с нами на болото?

– Да нет. Надо же когда-то... Столько впечатлений осталось! Да и брусники хоть полведёрка, но набрала.

В назначенное время на том же месте нас ждал Петро. Уставшие, но радостные, загрузились в УАЗик и поехали домой. Я ехала и думала: «Пойду ли ещё когда-то на болото? А вдруг в будущем году будет урожай на бруснику! Может, схожу. Как знать?.. Зарекаться не буду...»

ЦЫГАНСКИЙ ТАБОР

Наш новый дом стоял на окраине села. За ним была большая поляна. На этой поляне каждое лето несколько лет подряд располагался цыганский табор. В те годы это было привычно. Цыгане кочевали с места на место, из деревни в деревню. Взрослые деревенские жители их не любили:

– Опять цыганьё понаехало, ворота открытыми не оставишь.

И вправду, цыгане были не только попрошайками, но и вороватыми. Запросто могли зайти во двор, если открыты ворота, стащить, что плохо лежит, пока никто не видит, и, как ни в чём не бывало, уйти. А если выйдет хозяин или хозяйка, ещё и попросить чего-нибудь.

К нам тоже цыгане приходили не раз. Ходили только женщины – по двое, не мужское это дело – попрошайничать. Стучались настойчиво в ворота, пока не откроешь. Помню: нахваливают хозяйку дома, как елеем мажут, – это они умеют:

– Хазяюшка, мая ты хорошая! Какой у тебя парядок в доме и агароде!

Огород с грядками было видно с улицы.

– Подь ты к лешему! Чего пришли?

– Хазяюшка, зачем же к лешему? Ты такая красивая, дамавитая, всё у тебя растёт в агароде. Дай пагадаю!

– Нечего мне гадать, я и так всё про себя знаю.

– Дай агурчиков, хазяюшка, от тебя не убудет, а мы тебя век благодарить будем.

– Натe, только отвяжитесь.

– И картошечки маленько, милая.

– Да берите и картошечки, добра такого не жалко, полно её.

– Спасибо, мая ты залатая! Дай тебе Бог здоровья и тваим деткам! Малачка дашь маим деткам? У тебя же есть карова.

– Банку вам отдашь и с концами, у меня нет лишних.

– А у нас бидончик есть, – откуда-то из-под широкой юбки достают литровый бидончик.

Мама наливала им молока – корова наша много давала, не жалко. Не зря поговорка в народе ходит: «Дай мне и моему цыганёнку». Нам мама строго-настрого наказывала: не открывать цыганам, когда мы одни, а то облапошат. Мы сидели дома и делали вид, что нас нет. Цыганки постучатся-постучатся, да и уходят в другой дом.

У ЦЫГАНСКОГО КОСТРА

Вечером цыгане собирались всем табором на поляне. Посередине стояла большая круглая палатка, рядом – кибитка, к которой привязаны два коня. А перед палаткой горел большой костёр! Как всё это было романтично! Деревенские дети, что жили поблизости, и молодёжь любили вечерами ходить к табору. Цыганки в цветастых широких юбках, ярких кофтах, с распущенными, чёрными как смоль волосами и красивые молодые цыгане собирались у костра. Цыганята бегали тут же. Деревенские девушки стояли поодаль, их зазывали цыганки:

– Красавица, иди, пагадаю! Яхонтовая, не бойся!

Ну как они могли отказаться от такого предложения! Чего только им не нагадывали! Притом только хорошее. Мы сидели на травке невдалеке, нам всё было слышно и видно, подсмеивались над ними:

– Ха-ха! Жениха богатого, дом у моря... Размечталась!

Рассчитывались за гадание кто ягодой из леса, кто молоком, а кто и салом – брали с собой из дома на всякий случай. Девушки оставались в цыганском кругу. Начинались песни под гитару и танцы, цыганские танцы! Ах, как же красиво цыгане пели и плясали! Песенное многоголосие и переливы гитары раздавались в вечерней летней тишине на всю округу. Мы сидели заворожённые и во все глаза смотрели на это действо. Иногда тоже вставали и подплясывали.

На гитаре играл молодой красавец Михай. Коренастый, крепкий. Глаза весёлые, взгляд открытый. Брови дугой, словно месяц, кудри чёрные, как вороново крыло. Изгиб красивых губ так и манил. Он покорил сердца всех деревенских девушек, которые ходили в табор. Может, из-за него и ходили... Подслушали мы однажды их разговор, как они охали, ахали, восхищались Михаем:

– Ах, какой лапочка! Как он мне нравится!
– Я прямо не могу – такой хорошенький!
Я бы с ним уехала.
– Только не берёт. Я бы тоже уехала –
мама не пустит.

И мы с сестрой были в него влюблены...
Ведь мы почти девушки: лет двенадцать-тринадцать нам было. Нашего младшего брата Мишу теперь стали называть Михаем. Он сначала злился, потом привык.

Гусь

Ходили мы к табору каждый вечер, пока цыгане не перекочевали на другое место. А помог в этом один случай.

Однажды идиллию красивого вечера у костра нарушил женский крик:

– Ворюги! Это что ж такое делается?

Все насторожились. К костру подошла разъярённая тётя Дуся, дом которой находился на краю деревни, недалеко от табора:

– Вы моего гуся, самого жирного, спёрли!

Вперёд вышел старший цыган:

– Ты что, хозяйка? Мы воровством не занимаемся.

– А чем же вы занимаетесь?! Гуся-то одного нет! Для вас я их рóстила?

Тётя Дуся хлопнула себя по бёдрам и руки в боки.

– Красавица, не брали мы твоего гуся.

– Какая я тебе красавица?! Ты мне зубы-то не заговаривай!

– Иди, золотая, посмотри – нет у нас твоего гуся.

– Да вы его давно съели и забыли! Вон в канаве перья и потроха валяются.

– Да это собаки его растерзали.

– Ага! Собаки... Раньше не терзали, а как вас нелёгкая принесла, так терзать начали!

– Хозяюшка, не ругайся, мы не воруюем, мы честно зарабатываем на хлеб.

Тётя Дуся усмехнулась:

– Труженики вы наши. Мало я вам всякой еды передавала? И молока не жалела, и овощей, и даже сала. А им гуся захотелось!

Критическое положение решил спасти красавец Михай. Белозубо улыбнулся тётя Дусе:

– Тётушка, не сердчай так.

– А ты чё скалится, племянничек? Верни мне гуся, потом скалься.

Тут зашумели, загалдели цыганки. Тётя Дуся махнула рукой и, уходя, проворчала, погрозив пальцем:

– Завтра к председателю пойду.

В этот вечер песен и танцев больше не было.

Назавтра цыгане собрали палатку... и ушли. Нам было жалко, что больше нет весёлых цыган, Михая... И тётю Дусю, и её гуся тоже было жалко.